

дает право на выделение его в самостоятельную «восточную» редакцию рукописной повести, характерную наличием восточных мотивов в сюжете и языке, не распространяющихся, однако, на идейную оценку образов.

В чем причины непопулярности этой редакции? Их несколько. Восточные (пусть даже и фольклорные!) мотивы были чужды русской как фольклорной, так и литературной традиции. Восточные пышные образы (ср., например, прозвище конюха: «старой конюх, сивой конь, алые тебенки, сыдавной саадак, крепкой лук, гораздой стрелец, в полку богатырь») были непонятны читателю; так, словосочетание «алый тегилей» (т. е. кафтан) в более поздних списках превратился в собственное имя Алокти-Гирей. Механичность объединения в одном списке восточных мотивов с рыцарскими, сочетание усиленной христианизации языка и речи персонажей (характерной, надо сказать, для всех повестей Яковлевского сборника!) с русскими фольклорными элементами — все это было свидетельством того, что устная сказка о Еруслане подвергалась в XVII в. литературной обработке и становилась типичной сказочной рукописной повестью. Список Унд. 930 и запечатлел начальный этап сложной литературной эволюции повести на пути превращения устной (а затем рукописной) сказки в волшебного-рыцарский роман.
